

Глава первая

Джули вывалилась из такси и обернулась посмотреть машине вслед. На крыльце она остановилась, чтобы прийти в себя. Лучше не показываться детям такой пьяной — после всех нотаций, которые сама же им читала. Звезды в небе плясали и кружились, и ее чуть не вырвало. Но ей было все равно. Хороший был вечер, сто лет она не встречалась с девочками вот так. Впрочем, настолько хорошим он стал не из-за девочек, подумала она и вдруг осознала, что глупо улыбается. Хорошо хоть, что на улице темно и ни души.

У двери она снова остановилась и начала шарить в сумке, пытаясь найти ключи среди карандашей для подводки глаз, заляпанных помадой салфеток и мелочи. Пальцы нащупали клочок бумаги, оторванный от меню в баре. Номер телефона и имя. *Позвони мне*. И сердечко. Первый мужчина, до которого она дотронулась после Джеффа. Она все еще чувствовала на кончиках пальцев его позвонки, которых она касалась, когда обнимала его во время танца. Жаль, что ему пришлось рано уйти.

Джули защелкнула сумочку и прислушалась. Ничего. Так тихо, что она слышала, как шумит в ее ушах музыка, игравшая в баре. Неужели Люк спит? Лора

может спать бесконечно, а вот сыну спалось плохо. Даже сейчас, когда со школой покончено и рано вставать не было необходимости, он обычно просыпался раньше нее. Она толкнула дверь и снова прислушалась, выскользнув из туфель, в которых мучилась с того самого момента, как вышла из метро несколько часов назад. Боже, последний раз она так танцевала, когда ей было лет двадцать пять. В доме было тихо. Ни радио, ни телевизора, ни писка компьютера. Слава богу, подумала она. Слава богу, твою мать. Ей хотелось спать и видеть эротические сны. Где-то на улице завели мотор.

Она щелкнула выключателем. Свет ударил по глазам, в желудке снова все перевернулось. Она бросила сумочку и побежала наверх, в ванную комнату, споткнувшись на полу. Не дай бог, вырвет на новый ковер. Дверь ванной была заперта, под дверью виднелась полоска света. Из вентиляционного шкафа донеслось слабое бульканье, а это значило, что бак был пуст и наполнялся водой. Как типично для Люка. То его утром в душ не загонишь, то он принимает ванну посреди ночи. Она постучалась, хотя это уже было не срочно. Тошнота отступила.

Люк не ответил. Наверное, очередной перепад настроения. Джули знала, что это не его вина, и ей следует быть терпеливее, но иногда он вел себя так странно, что хотелось его придушить. Она прошла дальше, в комнату Лоры. Посмотрела на дочь и вдруг расчувствовалась. Надо постараться проводить с ней больше времени. Четырнадцать лет — сложный возраст для девочки, а в последнее время Джули была так занята Люком, что Лора стала казаться чужой. Джули и не заметила, как она выросла. Лора лежала на спине, ее колючие волосы казались особенно черными на фоне белой подушки. Она

слегка всхрапывала, рот был открыт. Неудачное время для сезонной аллергии. Джули увидела, что окно открыто, и, несмотря на жару, закрыла его, чтобы в комнату не залетала пыльца. Лунный свет заливал поле за домом, где косили траву.

Она вернулась к ванной и хлопнула по двери ладонью.

— Эй, ты там что, на всю ночь застрял?

Она постучала снова и снова, и на третий раз дверь распахнулась. Она не была заперта. Внутри пахло маслом для ванны, тяжелый и сладкий запах был Джули незнаком. Вещи Люка были аккуратно сложены на сиденье унитаза.

Он всегда был красивым, даже в младенчестве. Намного симпатичнее Лоры, что казалось несправедливым. Светлые волосы, темные глаза, длинные темные ресницы. Джули смотрела на него, погруженного в воду в ванне, его волосы поднимались к поверхности, как водоросли. Его тело она не видела из-за цветов. Надушенная вода была вся покрыта цветами. Только цветки — ни листьев, ни стеблей. Большие ромашки, которые росли на кукурузных полях, когда она была ребенком. Раскрытые маки с полупрозрачными красными лепестками. И огромные голубые цветы, которые она видела раньше в садах в деревне, но не знала их название.

Наверное, Джули закричала. Она услышала свой крик так, как если бы кричал кто-то другой. Но Лора все еще спала, и Джули пришлось встряхнуть ее, чтобы разбудить. Вдруг ее глаза распахнулись, очень широко. Она выглядела напуганной, и Джули поймала себя на том, что бормочет что-то, зная, что это ложь.

— Все в порядке, милая. Все хорошо. Но нужно вставать.

Лора свесила ноги с кровати. Она дрожала, но все еще была в полусне. Джули обняла ее, и вместе они спустились по лестнице.

Так они стояли, обнявшись, на пороге соседского дома, когда Джули увидела в свете фонаря их тень и невольно подумала об этих чокнутых гонках, где двух людей связывают и они скачут на «трех» ногах. Таких гонках, которые студенты устраивают во время походов по барам. Она нажала на кнопку звонка и не отпустила, пока наверху не зажегся свет, не послышались шаги и не появился хоть кто-то, с кем она могла разделить этот кошмар.

Глава вторая

Фелисити Калверт беспокоило, что она стала так много думать о сексе. Как-то раз, сидя в приемной перед кабинетом врача, она прочитала в журнале, что мальчики в подростковом возрасте думают о сексе каждые шесть минут. Ей трудно было в это поверить. Как эти молодые люди могут вести нормальную жизнь — учиться, смотреть кино, играть в футбол, — если так часто отвлекаются? А что насчет ее собственного сына? Наблюдая за тем, как Джеймс играет на полу в легионе, она не могла представить, что через несколько лет он станет таким же одержимым. Но теперь ей казалось, что погружаться в эротические фантазии раз в шесть минут — это не так уж часто. По крайней мере, для нее. В последнее время ощущение собственного тела и его откликов на все, что бы она ни делала, стало неловким и иногда приятным фоном ее повседневной жизни. Для человека ее возраста это казалось неуместным. Как прийти на похороны в розовом.

Она была в саду, собирала первую клубнику. Аккуратно подняла укрывную сетку, просунула под ней руку к грядке. Ягоды еще были маленькие, но Джеймсу к чаю хватит. Она попробовала одну. Клубника была теплой от солнца и очень сладкой. Она взглянула на часы и поняла, что вот-вот приедет школьный автобус. Еще десять минут, и ей надо будет помыть руки и пойти вниз по переулку, чтобы встретить его. Она не всегда ходила его встречать. Он считал, что уже достаточно взрослый, чтобы самому дойти до дома, и, конечно, так оно и было. Но сегодня у него была скрипка, и он обрадуется, если она к нему выйдет, чтобы помочь донести вещи. Интересно, за рулем будет старый водитель или молодой, с мускулистыми руками и футболкой без рукавов. Она снова посмотрела на часы. Всего две минуты прошло с тех пор, как она в последний раз думала о сексе. Она снова подумала, что в ее возрасте это просто нелепо.

Фелисити было сорок семь. У нее был муж и четверо детей. Господи, у нее даже был внук. Через несколько дней Питеру, ее мужу, исполняется шестьдесят. Желание поднималось в ней, когда она ждала этого меньше всего. С Питером она об этом не говорила. Естественно. Уж он-то точно не был объектом ее фантазий. В последнее время они редко занимались любовью.

Она встала и пошла по траве на кухню. Поместье Фокс-Милл стояло на месте старой водяной мельницы. Это был большой дом, построенный в тридцатые годы, пристанище одного судовладельца из города. Он и внешне был похож на корабль: плавные изогнутые линии, мельничный ручей позади. Большой корабль в стиле ар-деко, выброшенный на сушу посреди равнинных сельскохозяйственных угодий,

носом устремленный к Северному морю, а кормой — к Нортумберлендским холмам, видневшимся на горизонте. Вдоль одной из стен тянулась словно палуба длинная веранда. Непрактично, ведь с этой стороны редко бывало тепло. Она любила этот дом. Они ни за что не смогли бы позволить себе его на зарплату преподавателя, но родители Питера умерли вскоре после того, как они с Питером поженились, и он получил все их наследство.

Она поставила корзину с клубникой на стол и посмотрела на себя в зеркало в коридоре, поправила волосы и подкрасила губы. Она была старше, чем матери друзей Джеймса, и ей не нравилось думать, что ему может быть за нее стыдно.

Вдоль дороги цвела бузина. От запаха у нее кружилась голова и першило в горле. По обе стороны ограды зрела кукуруза. Она была высажена слишком густо, чтобы здесь росли цветы, но на их собственном лугу рядом с домом цвели лютики, клевер и бенгальский горошек. Вдали горячий воздух дрожал над ухабистым шоссе. Солнце светило беспрерывно вот уже три дня.

В эти выходные у Питера день рождения, и она думала о том, чем можно будет заняться. В пятницу вечером приедут ребята. Она называла их ребятами, хотя Сэмюэл был не младше ее самой. Но, если все будет так, как задумано, в субботу можно было бы устроить пикник на пляже, поехать на острова Фарн, посмотреть на тупиков и кайр. Джеймсу это наверняка понравится. Она искоса посмотрела на небо, пытаясь почувствовать, не приближается ли холодный фронт, не появится ли на горизонте хоть одно облачко. Ничего. Возможно, вода даже будет достаточно теплой, чтобы поплавать, подума-

ла она и представила, как волны разбиваются о ее тело.

Она дошла до конца переулка, но автобуса еще не было видно. Забралась на деревянную платформу, куда раньше фермеры выставляли бидоны с молоком, чтобы их забрали на грузовике на продажу. Дерево было горячим и пахло смолой. Она откинулась на спину, подставив лицо солнцу.

Через два года Джеймс перейдет в среднюю школу. Это ее ужасало. Питер поговаривал о том, чтобы отправить его в частную школу в городе, туда, куда когда-то ходил он сам. Она видела мальчиков в полосатых блейзерах в метро. Они казались ей очень уверенными и громкими.

— Но как он будет туда добираться? — говорила она. На самом деле ее волновало другое. Она считала, что на Джеймса не нужно давить. Он медлительный, мечтательный мальчик. Лучше было бы позволить ему учиться в своем темпе. Ему бы больше подошла общеобразовательная школа в соседней деревне. Даже требования в старшей школе в Морпете, где учились другие их дети, казались ей слишком сложными.

— Я мог бы его отвозить и забирать, — отвечал Питер. — После уроков есть много чего интересного. Он может оставаться в школе, пока я не закончу работу.

Это вызвало у нее еще большее неодобрение. Время, которое она проводила с Джеймсом после того, как он возвращался из школы, было особенным. Ей казалось, что без этого она потеряет сына.

Она услышала, как вверх по дороге взбирается автобус, и села прямо, щурясь на солнце. За рулем был Стэн, старик. Она помахала ему, чтобы скрыть свое разочарование. Обычно на этой остановке выходи-

ли трое — девочки-близняшки с фермы и Джеймс. Но сегодня первой из автобуса вышла незнакомая девушка в кожаных сандалиях и красно-золотом приталенном платье без рукавов с пышной юбкой. Фелисити понравилось платье, то, как ниспадала юбка, и яркие цвета. Молодежь сейчас, казалось, предпочитает носить черное и серое даже летом. Увидев, что девушка помогает Джеймсу с сумками и скрипкой, она сразу прониклась к ней симпатией. Близняшки перешли дорогу и побежали к ферме, автобус уехал, и у ограды остались они втроем. Стало немного неловко.

— Это мисс Марш, — сказал Джеймс. — Она работает у нас в школе.

У девушки была большая соломенная сумка с кожаным ремнем через плечо. Она протянула руку, очень длинную, загорелую и худую. Сумка соскользнула с плеча, и Фелисити увидела в ней папки и библиотечную книгу.

— Лили, — голос был звучным. — Я студентка. Это моя последняя педагогическая практика.

Она улыбнулась, как будто ожидала, что Фелисити будет рада знакомству с ней.

— Я сказал ей, что она может остановиться в нашем коттедже, — сказал Джеймс и легкой походкой отправился к дому, не заботясь о том, кто из взрослых понесет его вещи.

Фелисити не знала, что сказать.

— Он ведь говорил, что я ищу, где пожить? — спросила Лили.

Фелисити покачала головой:

— О боже, как неловко.

Но она не выглядела смущенной. Она казалась удивительно уверенной в себе, а произошедшее сочла забавным.

— Ездить из Ньюкасла каждый день без машины — настоящий кошмар. Директор спросил на собрании, не знает ли кто-нибудь, где здесь можно остановиться. Мы думали насчет гостиницы или семьи, которая захочет пустить постояльца. А вчера Джеймс сказал, что вы сдаете коттедж. Я звонила сегодня днем, но никто не ответил. Он сказал, что вы, наверное, в саду и можно приехать в любом случае. Я решила, что он обсудил это с вами. Сложно было отказать...

— О да, — согласилась Фелисити. — Он может быть очень настойчивым.

— Слушайте, ничего страшного. Погода прекрасная. Я прогуляюсь до деревни, а оттуда в шесть часов ходит автобус до города.

— Дайте мне подумать, — сказала Фелисити. — Заходите, выпьем чаю.

Они и раньше сдавали коттедж в аренду, но это всегда заканчивалось плохо. Сначала они были рады дополнительному заработку. Даже с деньгами, доставшимися от родителей Питера, выплачивать ипотеку было очень тяжело. Потом трое маленьких детей, и они решили, что можно поселить в коттедже няню или сиделку. Но те вечно жаловались на холод, протекающий кран или отсутствие современных удобств. А им было некомфортно от того, что чужой человек живет так близко к их семье. Кроме того, они ощущали ответственность за жильца, и это добавляло стресса. Хотя никто из них не доставлял особых проблем, они всегда испытывали облегчение, когда арендатор съезжал.

— Никогда больше, — сказал Питер, когда съехала последний жилец коттеджа, няня из Швеции, все время тосковавшая по родине. Фелисити не знала, как он отреагирует на то, что на их пороге появилась

очередная девушка, хотя до конца семестра оставалось всего четыре недели.

Они сидели за кухонным столом, легкий ветерок с моря раздувал муслиновые занавески на открытом окне, и Фелисити Калверт подумала, что, возможно, позволит девушке остаться у них, если она сама этого захочет. Питер не станет сильно возражать, ведь это ненадолго.

Джеймс сидел рядом с ними за столом, вокруг него лежали обрезки бумаги, ножницы и клей. Он пил апельсиновый сок и делал поздравительную открытку для отца. Задумка была основательная, с фотографиями Питера из старых альбомов, выложенными коллажем вокруг большой цифры «60», сделанной из ленточки и блесток. Лили восхитилась открыткой, спросила о старых снимках. Фелисити чувствовала, что Джеймсу нравится ее интерес, и прониклась к ней благодарностью.

— Полагаю, раз вы живете в Ньюкасле, на выходные вам коттедж не понадобится, — сказала она. Она подумала, что это будет еще одним аргументом для Питера. *Она здесь будет только в рабочие дни. А ты так много работаешь, что и не заметишь ее присутствия.*

Коттедж стоял за лугом с полевыми цветами. Помимо сада, это была единственная земля, которой они владели. Из дома коттедж казался таким маленьким и приземистым, что было трудно поверить, что там можно жить. Через луг была протоптана тропинка, и Фелисити задумалась, кто мог ходить здесь после последнего покоса. Наверное, Джеймс. Он приходил сюда играть с друзьями. Правда, они запирали домик, и Фелисити не припоминала, чтобы он в последнее время просил ключ.

— «Коттедж» звучит солиднее, чем есть на самом деле, — сказала она. — Всего одна комната наверху и одна внизу, с ванной комнатой позади. Здесь жил садовник, когда дом только построили. До этого тут, кажется, был свинарник. В общем, какая-то хозяйственная постройка.

Дверь была заперта на навесной замок. Она открыла его и застыла. Ей вдруг стало неловко. Лучше бы она заглянула в домик сама, прежде чем приглашать сюда незнакомого человека. Надо было оставить Лили на кухне, а самой проверить, в каком состоянии он находится. Она сразу почувствовала, что внутри было сыро, но в целом оказалось достаточно чисто. Каминная решетка была пуста, хотя она не помнила, чтобы чистила ее после того, как здесь на Рождество останавливалась ее старшая дочь с мужем. Сковородки висели на своих местах на стене, клеенчатая скатерть на столе была протерта. В домике стояла приятная прохлада. Она открыла окно.

— На ферме косят траву, — сказала она. — Отсюда чувствуется запах.

Лили зашла внутрь. Сложно было сказать, что она подумала об этом месте. Фелисити ожидала, что она придет в восторг, и ей стало обидно. Как будто она предложила дружбу, а ее отвергли. Она пропустила девушку в маленькую ванную. Обратив ее внимание на то, что душ новый, а кафель недавно заменили, она почувствовала себя риелтором, который отчаянно хочет продать дом. «Почему я так себя веду? — подумала она. — Я ведь даже не была уверена, пускать ее сюда или нет».

Наконец Лили заговорила:

— Можно посмотреть наверху?

И она начала подниматься по крепким деревянным ступеням, ведущим наверх прямо из кухни. Фе-